

О ПТИЦАХ, РЫБАХ И ДРУГИХ ВИДАХ ЖИВОТНОГО ЦАРСТВА

роме описанных нами животных, Лапландия изобилует дикой птицей. Самуил Реен перечисляет всевозможные виды ее, встречающиеся в Лапландии: "Лебеди, гуси, утки, кряквы, нырки и всевозможные виды болотной птицы, а также и лесной, как, например, глухари, тетерева, рябчики, куропатки".

В Лапландии столько озер, рек, болот и лесов, что птицам прямо раздолье в этой обширной и дикой северной стране. Многие из поименованных выше пород хорошо известны и в других странах, но некоторые представляют собой специфическую особенность Лапландии.

Говоря о гусях и утках, Самуил Реен, конечно, подразумевает лишь диких птиц, т.к. домашних гусей и уток, а равно и вообще какой бы то ни было домашней птицы лопари никогда не заводят. Большая часть этих птиц прилетает в Лапландию из теплых стран на лето, вьет здесь себе гнезда, высиживает птенцов, а к осени стаями улетает обратно. Нигде эти птицы не встречаются в таком громадном множестве. Их привлекает на Север, по всей вероятности, большая дикость и безлюдность этих стран и обилие необходимой им пищи в виде всяких ягод и мошек, роящихся над болотами.

"Во время весеннего перелета, – пишет Олаф Петерсон, – огромные стаи птиц застилают все небо. Там, где они садятся на ночлег или для подкрепления себя пищей, земля бывает сплошь усеяна ими, а крики их слышны на полмили вокруг".

К числу таких перелетных птиц, редко встречающихся в других местах, относится так называемый "кнурег". Голова и спина у него черные, а также и большая часть крыльев, грудь и живот – белые, красный клюв длинен и зубчат, ноги коротки и также красны, с плавательной перепонкой между пальцами, как и у всех водных птиц.

К тому же виду или близкому к нему относится другая птица, повсеместно называемая там "loom" (т.е. хромой) и водящаяся в Лапландии в несметном количестве. Один экземпляр ее описан Вормием в его "Музее", где имеется и ее изображение. "Loom", по-видимому, не принадлежит к одному из видов диких уток, т.к. клюв у него не плоский, а заостренный.

Его характерная особенность заключается в том, что он совершенно неспособен ходить, а лишь умеет летать и плавать вследствие особого устройства очень плохо развитых коротких ног, расположенных притом так близко к заднему концу туловища, что, стоя на них, он не может сохранить равновесие.

Из лесных птиц на первом месте стоит глухарь (*urogallus*), самка которого, по мнению Реснера, отличается от черного самца только более светлым оперением. На самом деле глухарь совсем не черный, а желтоватый с черными крапинками. То же самое можно сказать и о тетереве

(*tetraos urogallus minor*), самки которого также значительно отличаются от самца расцветкой оперения: самец-тетерев почти весь черный, а самка желтоватая, как и самка глухаря, от которой она отличается только величиной.

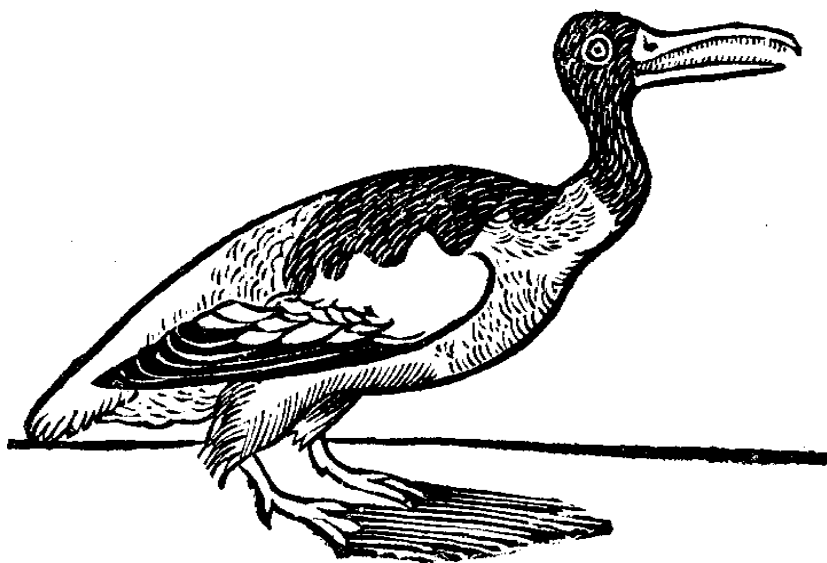
Олаф Магнус говорит, что они не желты, а серы, т.к., действительно, нередко сероватый оттенок преобладает в их оперении. Именно эту птицу описывает он под именем "лесного петуха": "В северных странах попадаются лесные петухи величиной с фазана, но с более коротким хвостом, совершенно черного цвета с немного более светлыми перьями лишь по краям крыльев и в хвосте. У самцов на голове красноватый гребешок, самки же выглядят очень скромно, будучи сплошь однообразного серого цвета".

Нет сомнения, что речь идет здесь о тетереве, что же касается гребня, то он находится у тетерева не на макушке, как у обыкновенного петуха, а с обеих сторон над глазами. По словам Самуила Реена, в последнее время тетеревов в Лапландии стало меньше. Впрочем, количество этих лесных птиц сильно колеблется в отдельные годы, что подтверждает и Олаф Петерсон: "Бывают годы, когда птица как будто куда-то исчезает. Это продолжается несколько лет, а затем вдруг ее появляется такое множество, что лопари не успевают бить ее".

Далее в нашем перечислении следуют рябчики, называемые по-шведски – *attagenes*, а по-немецки – *jaerge*. Их также немало в Лапландии, и туземцы охотно употребляют их в пищу. Но чаще всех прочих встречаются куропатки (*lagopodes*), водящиеся не только в лесах, но даже на голых вершинах гор, покрытых сплошными снегами. "Вся лесная дичь (глухари, тетерева, рябчики) водится только в лесах, – отмечает Олаф Петерсон, – поблизости рек и озер. Так как горы, прилегающие к норвежской границе, голы и безлесны и в них лишь изредка попадаются небольшие горные озера, то там дичи вовсе нет, за исключением куропаток, которых в иные годы бывает там великое множество".

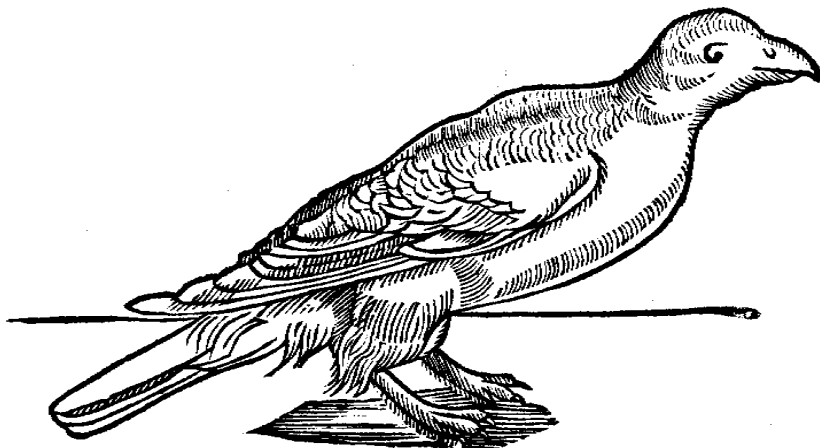
Самуил Реен называет этих куропаток по-шведски то *fiadrupor* (горная куропатка), то снежная курица, подобно тому как называют их в Швейцарии (*schneehulner*), т.к. они любят снега альпийских вершин. Лапы их похожи на заячьи и вместо перьев покрыты пухом, откуда произошло и их латинское название. "Эти куропатки зимой бывают белыми, как снег, и только у самок попадает несколько черных перышек под крыльями. С приближением весны они становятся серыми, как тетеревиные самки, и остаются такими на протяжении всего лета и осени до следующей зимы". Это замечание Самуила Реена очень ценно, т.к. у других авторов мы не встречаем упоминания об изменении цвета этих птиц.

Самуил Реен подметил также, что куропатки почти никогда не забираются на деревья, а большей частью бегают по земле. Вообще же, куропатки очень проворны и подвижны.

Перейдем теперь к описанию рыб, которыми буквально кишат реки и озера Лапландии. Еще Циглер поражался их множеством: "Уловы лопарских рыбаков бывают громадны, и, несмотря на это, рыбы остается еще такое множество, что ее держат в садках и вывозят в соседние страны". Павел Иовий, описавший лопарей, живущих в приморской области, находившейся во владении Московии, пишет: "На морском побережье лопари ловят массу рыбы". Во всей остальной Лапландии, как мы уже говорили, реки и озера кишат рыбой.

На первом месте надо поставить улов лосося (*salmo*) – самой распространенной и наиболее ценимой здесь рыбы, которая нигде во всей Европе не встречается в таком количестве, как в Лапландии: "Нигде во всей Европе, пишет Олаф Магнус, не ловится столько лосося, как в Ботническом заливе, в который несут свои пресные воды бесчисленные реки, текущие с гор и из озер Лапландии. Красивое зрелище представляют целые полчища рыб, поднимающихся по ним против течения, сверкающие на солнце своей чешуей, как полки воинов в блестящих доспехах, идущие плотными сомкнутыми рядами. Рыба идет в реки такими массами, что даже в верховьях горных речек дает богатый улов рыбакам". Слова Магнуса подтверждает Самуил Реен: "Лосось идет из моря в реки Лапландии и поднимается по ним вверх насколько только возможно до тех пор, пока путь ему не преградят непроходимые стремительные водопады, и возвращается назад только осенью, около Матвеева дня (25 сентября. – Прим. ред.)".

Промышленниками замечено, что рыба, спускающаяся осенью вниз по течению, гораздо хуже той, которая идет вверх метать икру в верховьях рек, может быть, оттого, что она ослаблена трудностями перехода или же истощила свои силы в процессе размножения.

В моем родном городе Страсбурге только идущую вверх рыбу называют *salm*, а спускающуюся по течению *lah* или *lass*, что верно отражает ее состояние (*lassus* от лат. – усталый, утомленный. – Прим. ред.). О величине улова дает некоторое представление Олаф Петерсон: "Один таможенный чиновник сообщил мне, что однажды из Лапландии было вывезено 1300 тонн этой рыбы".

Вторую по важности рыбою в Лапландии является щука. "В лапландских озерах, – пишет Самуил Реен, – водится много мелких и крупных щук (*lucii*)". О них же Олаф Магнус говорит следующее: "В горной Лапландии попадаются пресноводные озера длиной в 400, а шириной до сотни итальянских миль, в которых водится такое множество щук (и других рыб), что их с избытком хватает не только на прокормление жителей четырех обширных северных государств (вероятно, Швеции, Норвегии, России и Финляндии. – Прим. ред.), но даже и для вывоза на рынки громадной Германии". Щуки, которых Магнус называет *lupiagu atiles*, т.е. водные волки, попадаются часто громадной величины, нередко в рост человека, а иногда даже и больше.

Далее следуют сиги (по-шведски – *susk*), вес которых иногда достигает 10 и 12 фунтов. Эту рыбу очень хвалит Самуил Реен, говоря, что она нежнее и вкуснее всех прочих рыб.

С этой оценкой сига вполне соглашается Иоанн Торней: "В числе прочих рыб в Лапландии, в особенности в небольших озерах, ловят много так называемых сигов, которые часто бывают длиной в аршин. Эта рыба так жирна, нежна и вкусна, что я не знаю другой, которая могла бы сравниться с нею".

Четвертая рыба – окунь (*perca*) достигает в Лапландии также громадной величины. До сего дня в лулеоской церкви хранится высушенная голова окуня, величина которой от макушки до нижнего края челюсти более ширины двух ладоней. Водятся там также речные форели (*mustelae fluvialles*), белуги (*alburni*), впрочем, главным образом в озерах, расположенных около моря.

В свою очередь, в горных озерах, далеко отстоящих от моря, водятся два вида рыб, называемых по-шведски *goeding* и *oerlah*. Встречается ли этот вид где-нибудь в других местах и что он из себя представляет, мне неизвестно. Самуил Реен так описывает его: "Roeding получил свое название оттого, что весь он красного цвета, брюхо у него пурпурное" (вероятно, имеется в виду голец, – Прим. ред.). По виду он будто бы напоминает лосося, но значительно меньше его, так что некоторые считают его просто не достигшим зрелости лососем, что, однако, едва ли правильно, т.к. ловится эта рыба, как было сказано, в далеко отстоящих от моря и отрезанных от него озерах, куда лосось не мог бы никак проникнуть.

Кроме перечисленных нами рыб, в Лапландии водятся еще множество других пород, никому почти неизвестных, к которым лопари относятся пренебрежительно, не употребляя их в пищу. Олаф Петерсон приводит названия некоторых из них: "Корюшка, пескарь (*cobitis*), барбатушка, сазан (*сyrpinus*) и др.

Пресмыкающихся немного в Лапландии; змей, по словам Циглера, нет совершенно. Впрочем, это относится лишь к северной части страны, на юге же, в лесах, змеи иногда встречаются, хотя и очень редко. "Змеи редко попадаются в Лапландии, – говорит Реен, – да и то лишь в южной, лесистой области, в северной же, гористой части страны их нет совершенно". Насекомых тоже немного. Так, например, в Лапландии совсем нет блох, но зато немалые мучения им причиняют комары. "Комары там большие и зловредные", – пишет Циглер, а Олаф Магнус добавляет: "На Крайнем Севере, где много болот и рек, летом носятся тучи комаров, досаждающих мучительно не только своими укусами, но и жужжанием".

Эти комары изводят не только людей, но и животных, особенно северных оленей, которых для спасения от них летом приходится перегонять в горы. "Летом лопари часто уходят в горы, – отмечает Самуил Реен, – спасаясь от несметного множества комаров, терзающих своими укусами и людей и животных.

Олени страшно страдают от их преследований, и единственным спасением от этого бедствия является переход на возвышенность и горные вершины, куда и принуждены

в это время года взбираться лопари со своими стадами".

В лопарских жилищах защитой от комаров служит едкий дым постоянно пылающего очага и род полога из грубой шерсти, которым покрываются с головой обитатели шалаша летом во время сна.

Вне дома для защиты от комаров мужчины и женщины носят одежду, надевая на голову шапки наподобие шлема, закрывающие все лицо, кроме одних только глаз. Иногда открытую часть лица смазывают смолой, как мне рассказывали сами лопари. "Лето в Лапландии отличается тем неудобством, – пишет Олаф Петерсон Ниурений, – что в воздухе носятся тучи мошек и комаров. Только вымазав лицо смолой, можно несколько защититься от их раздражающих и мучительных укусов".

Кроме того, летом появляется много крупных ос (*vespaе*), нападающих главным образом на оленей. Они пробуравливают своими жалами кожу животных, отчего в ней долго сохраняются следы. Часто даже шкура, содранная с убитого оленя, бывает источена дырочками, как решето. Эти мелкие, как укол иголки, отверстия лопари называют "kaorm". От ос лопари также спасаются дымом.

"Летом, – замечает О. Петерсон, – оленям очень досаждают насекомые и для их защиты лопарям приходится постоянно поддерживать огонь, жечь костры, чтобы дым от них давал возможность вошедшему в него оленю хоть немного отдохнуть от мучений". За неимением этого оленя, чтобы спастись от мошкары и ос, погружаются иногда в воду по самую морду и часто при этом тонут.

